В корпусе было душно. Окна из-за комаров заперли, а проем дверей закрыли плотным одеялом. Но ничего не помогло — под самым потолком вероломно кружились, гнусаво напевая, комары.

Какой уж тут сон! Самый строгий вожатый не сможет в такой обстановке успокоить отряд. Шепот то и дело пролетал над постелями. Особенно над теми, которые находились в углу. Если у окна лежали спокойно — их обдувал ветер, просачивающийся через рамы, то у стен без конца крутились и вздыхали. А так как разговоры намного интереснее, то мальчишки с радостью заменяли вздохи разными рассказами.

— ... Тогда колдун взял и превратил огромные скалы в маленькие. Так и образовалась среди гор площадка, поросла лесом. Это уж потом здесь наш город стали строить. ... А уменьшенные скалы, так и остались стоять. Ласточки сделали в них норы и живут.

— Эй, где это вы ласточек видели?

— Да они, — наверное, о «подсобном» говорят. Там их полно.

— Вот, однажды по нашему городу проползали змеи.

— Где это ...

— Нужно немножко от «телеграфа» спуститься. Там остались следы от их тел на асфальте.

— Да? А я думал это трещины.

— Посуди, разве трещины бывают такими?

— Наверное, нет. ...Валера, ты расскажи лучше не об этом.

— А о чем же?

— Расскажи про говорящую птицу.

— Что у Художника?

— Наверное, я не знаю,

— Ну ладно, если тебе интересно... Слушай! В городе, на улице — Валерка на миг смолк, —что-то не вспомню названия — фиг с ним, живет один художник. Еще не старый, но иногда сам говорит что «пора, видно, умирать». Но это он так, когда начинает сердиться. Очень переживает, если долго не берется за работу, а «занимается одним малеванием плакатов». Он пишет картины.

Их никто не видел. Один у художника ценитель — его филин. Всегда советует, где нужно подправить картину, а где и совсем ...

— Филин советует?

— Да. Он очень умный. Художник ему доверяет, говорит: — Не знаю, откуда ты взялся,

но, думаю, сам Бог послал тебя мне: осуждаешь картины, как истинный ценитель искусства. Но осуждениями филин занимается редко, и у него полно свободного времени. Поэтому мы и приходили в подвал к художнику, когда захочется. Нам интересно, а художнику не так скучно. Иногда филин нам уроки помогает делать и вообще... учит нас чему-нибудь. Как-то раз он учил нас слушать Город.

— Как это — «слушать город»?

— Это значит слушать, как бьется сердце Города. Оказывается, это очень просто, нужно только захотеть.

... Разговор испортил Женька, встряв со своими Вечными насмешками.

— И это вам филин говорил?..

— Да.

— Все это враки, — решительно сказал Женя.

— Что враки? Говорящая птица?

— Не птица. Птица — пусть, говорят же попугаи. Вот биение сердца города — явное враньё.

Заявлением Женьки заинтересовался. Сергей.

— Почему? Потому что ты его не слышал?

— Хотя бы.

— Ну и дурак, — заявил Сергей. Если ты не видел Америку, не значит, что ее нет.

— Так то Америка...

— А это сердце. Оно есть. Не сговорились же мы, чтобы специально тебя обмануть.

— Наверное, нет. Но почему Вы слышите, а я нет?

— Ты, Жень, не обижайся, — сказал Валера. Я спрашивал у художника об этом, но он как- то странно ответил: «Ты веришь в сказку и ты еще слишком мал».

— Мы сами слышали — не спорь.

— Я и не спорю — невесело ответил Женя. — Пусть будет. Только зачем оно нужно?

Валера поразился.

— То есть, как зачем? Когда слышно биение, значит, Город живет, значит, люди не черствы душой. И главное — когда слышно биение, наступает Солнечное утро.

— А это что?

— Это? Ну... Это запах влажной травы, это мягкое солнце, это Добрая тишина на улицах, улыбающиеся люди, хорошее настроение. Это — Солнечное утро.

Женя медленно произнес:

— Кажется, я понимаю, о чем ты... Как думаешь, а мне можно будет пойти с вами к художнику?

— Конечно, можно. Ты только не расстраивайся, что не слышишь сердца. Я поначалу тоже не слышал. Ты обязательно научишься.

И Женька сказал: — Я обещаю.

Может быть, когда Женька вырос, он все сделал для того, чтобы наступило Солнечное утро, но сейчас у друзей не получилось прийти в гости к художнику — его убили.

Мальчики видели, как выносили тело из чадящего подвала и видели, как страшно выглядывала из-под покрывала потемневшая рука. Кто-то в толпе сказал: «Лучше бы он согласился отдать мастерскую под магазин». Этого никто не слышал. Потому что все, это был конец. Не стало сказки. Теперь ее нет. Нет никакого сердца Города!!! Если оно и было, то остановилось вместе с сердцем художника.

Друзья выдумали его и верили, что оно есть на самом Деле. Может быть, они и слышали стук — но это работало их собственное. Шум крови отражается в раковине звуком прибоя, если приложить ухо. А мало пи что почудится в старом гулком подвале.

Теперь все... Есть только грязные скучные улицы, дома-коробки, неживые и однотипные, есть старые, не подлежащие ремонту, тротуары; люди, бездушные и отупевшие, повторяющие из года в год одни и те же слова.

Слов становится все меньше, но люди этого не замечают; есть железные клетки — киоски, в одном из которых сидит одноклассница Наташа и пытается одновременно правильно сдать сдачу и успокоить своего ревущего малыша.

С каждым днем люди делались мрачней, а если и улыбались, то как-то нелепо, стесняясь. Искренняя улыбка стала выглядеть странно! Требовалось надеть маску с натянутыми губами и тогда тебя понимали. Самая глупая фраза превращалась в остроумную шутку.

Все перевернулось стремительно и незаметно — будто и в самом деле остановилось чье- то сердце.

Валерка, взрослый Валерий Степанович, испугался, решил, что с самого начала неправильно понимал мир. Настроил вокруг себя фантазий и жил в них, а когда вырос — только понял, как все на самом деле. Хорошо вовремя понял…

Валерий Степанович поверил бы в свою догадку, если бы не множество людей, так же недоумевающих перемене. Валерка пытался найти ей объяснение, но не смог. Однажды он пожал плечами и просто стал жить. Художник и его подвал забылись — благо дом снесли, на его месте встало новое многоэтажное здание.

Наверное, и жил бы Валерий Степанович так дальше, но работа бизнесмена не даст посидеть на месте. Однажды он и отправился в поездку.

… Машина остановилась на полпути лесу. Недоброкачественный бензин, тоже следствие чьего- то бизнеса, давал себя знать. Хорошо еще застряли, если можно так сказать, удачно — невдалеке виднелись постройки закрытого лагеря.

Шофер остался у машины, а Валерий Степанович неторопливо отправился к лагерю — узнать, есть ли телефон. Дипломат с деловыми бумагами приятно тяжелил руку.

... Сторож сразу вышел на лай собак, недружелюбно пробормотал, что телефон не работает со дня закрытия, и что ходить по площадкам можно, если не шастать по корпусам. Насчет телефона сторож явно врал: из дома доносились нетерпеливые звонки, потом они смолкли, видимо кто-то снял трубку.

Приезжий на ложь ничего не ответил, обиженно отвернулся и зашагал по дорожке.

Асфальт в Лагере был старый и разбитый. Кое-где он так порос травой, что совсем нельзя было разобрать пути. Наконец Валерий Степанович совсем сошел с него. Какая разница — где не иди — трава. Обшарпанные и прогнившие площадки мало напоминали лагерь детства. В бассейне проросли цветы, ветер бесшумно шевелил их, стояли стулья. Появилась какая-то новая, незнакомая веранда. Она дико выделялась среди корпусов с вывороченными рамами. Местами из стен вывалились куски, торчала дранка.

В лагере было тихо, спокойно и... страшно. Как в оставленном людьми городе. Будто все вымерли. Возни-кало неприятное ощущение, что в спину кто-то смотрит из пустых окон.

Валерий Степанович несколько раз обернулся и, чтобы избавиться от этого чувства, решил зайти в здание: назло страху и, отчасти, запрету сторожа. Он шагнул к первой попавшейся двери, рванул ручку и вошел.

Внутри было темно и холодно, но Валерий Степанович решительно направился вперед, почти сразу заплутав в многочисленных комнатах, переходящих одна в другую, и, наконец, остановился у какой-то ванны.

Как и следовало ожидать, внутри постройки никого не было. Лежащая на дне ванны коробка для шашек покры-лась пылью. Подобие круглой тумбы, расположенное у ванны,

заржавело. С него свисали клочья паутины. В инструкции по применению механизма значилось: «карто-фелечистка». "Кухня", — догадался Валерий Степанович, вышел из комнаты в поисках двери, ведущей на улицу. Выход почему-то не попадался, а переходы завели Вале-рия Степановича в одинокое помещение. Здесь не было ничего, только задрав ножки, как конь на дыбах, верти-кально стояла железная кровать. На спинке, к удивлению Валерия Степановича, сидела птица. Огромный филин. Взъерошенные перья были такими знакомыми... Они напоминали что-то давнее, забытое.

Филин произнес картавым попугайским голосом:

— Ну, пришел? Изменился, даже и не узнал бы.

Филин пристально посмотрел на дипломат и вдруг дернул головой. Бизнесмену показалось, что у птицы это вышло брезгливо.

— Ты и правда изменился, — сказал филин. — И не стыдно?..

— А что, это работа. — Неловко ответил мужчина.

Филин презрительно прошипел как старый радиоприемник:

— Работа...

Валерий Степанович решительно повторил:

— Работа. А что? Каждый зарабатывает, как может. Я взрослый человек, мне нужно жить. Я не слышал больше сердцебиения, о котором ты рассказывал, и перестал в него верить. Ты говоришь, я изменился, но я не мог не измениться. Если не существует

сердца Города, то мне нужно верить во что-то другое. В то, что есть.

— И ты все свои фантазии, надежду, сказку, переложил на работу?

— Да. Потому что Солнечное утро больше не наступа-ло. Заботы навалились на меня, сковали. Я дышу свободно, но мне всегда кажется, что душно. Я понимаю, в чем дело.

— Ты изменился и поэтому, доволен. К чему теперь разговоры?

Валерий Степанович сморщился и выпалил:

— Вернись. Людям и так плохо. Возврати Солнечное утро.

— Зачем оно вам? По-моему тебе хватает «доброго», которое ты желаешь каждый раз встречным.

Валерий Степанович ослабил узел галстука.

— Нет. Не хватает. Нужно Солнечное.

— Не понимаю... Если я не ошибаюсь — ты хочешь, чтобы я вернул «розовые очки», как ты называешь такое восприятие мира.

— Ошибаешься! Это не «розовые очки», это элементарное человеческое... Верни его.

— Зачем?

— Помнишь, ты сам говорил, что когда наступает Солнечное утро, несчастья отходят от людей.

— Помню, но я не могу. Биение оставило Город, а без него Солнечное утро не наступит. Да и что я могу сделать? Я только сопровождаю биение. Я — символ. Оно само вернется.

— Но когда?

— Тогда, когда люди захотят измениться. Когда они перестанут проходить мимо больного или просящего ми-лостыню человека, делая вид, что не замечают его. ... Есть и многое другое.

Валерий Степанович подался вперед…

— А когда произойдет это?

Птица секунду молчала. Потом она закричала и сорва-лась с места. Ударила его в лицо, забила крыльями. Валерий Степанович не защищался.

И вдруг, сквозь шум падения, он услышал отчетливый, легкий, похожий на удары по колокольчику, стук — это звучало сердце Города.

Оно и не останавливалось. Просто люди напугали птицу, и она ушла, унесла с собой его звук.

Когда Валерий Степанович поднялся, никого уже не было. Свет от окна падал на пол, Валерий Степанович находился в желтом квадрате. В углу стоял дипломат.

Валерий Степанович снял галстук и кинул к темнеюще-муся чемоданчику. Не долетев, галстук упал, свернулся на полу, как змея. Валерий Степанович подумал и скинул пиджак. Больше не задерживаясь, он распахнул окно и шагнул вперед, навстречу воздуху. Навстречу Солнечному дню.

... Утром, выйдя на улицу, прислушайтесь, возможно, вы тоже услышите еле различимый позванивающий стук. Не удивляйтесь, если прохожий вдруг пожелает вам солнечного утра — значит, в этот момент на свете одним хорошим человеком стало больше.